

Музыка и современность

Уже одно сопоставление слов — «музыка» и «современность» — показывает, с какими масштабами, с какими небывало грандиозными явлениями следует нам, композиторам, соизмерять свою творческую работу.

Проблеме «Музыка и современность» был посвящен недавно состоявшийся в Москве 5-й пленум правления Союза композиторов СССР и развернувшаяся на нем содержательная дискуссия.

РАЗГОВОР О САМОМ ГЛАВНОМ

Как же должно развиваться советское музыкальное искусство, чтобы полнее соответствовать величии современности, ярче отразить ее в художественных образах и до конца выполнить свое высшее предназначение — служить своему народу?

Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, надо прежде всего разобраться в некоторых ошибочных толкованиях самого понятия современности, зачастую неверно ориентирующих композиторов, особенно молодежь, в их творческих исканиях.

Так, существует точка зрения, будто современной темой можно считать всякую тему, воплощенную в искусстве с позиций социалистического мировоззрения наших дней. Конечно, художник обязан не только современности, но и прошлое осмыслить с позиций передового мировоззрения, но ни в коем случае нельзя подменять проблему современной темы проблемой «современного взгляда».

Существует также ошибочное мнение, будто для настоящего, большого искусства важны только так называемые общечеловеческие темы, а современность, злободневность — удел малых жанров и форм. Во-первых, не следует отождествлять понятия современности, злободневности с понятием однодневности. Однодневность или вечность произведения — это вопрос его художественного качества.

Что же касается общечеловеческих тем, то общечеловечно все, что ведет к идеалу человеческого общества — коммунизму, все, что войдет в богатый идейный, эстетический, морально-этический мир человека коммунистического общества. А так как современность наша — это движение к коммунизму, то наиболее современное оказывается в то же время и общечеловеческим.

Нередко сталкиваемся мы с чрезмерным преувеличением значения трагедийности, как якобы художественной сферы, наиболее отвечающей атмосфере наших дней. Вполне закономерно, что в советском искусстве, особенно в произведениях, связанных с военными и послевоенными годами, трагедийность занимает значительное место. Но рядом с подлинно трагедийными, глубоко содержательными произведениями возникло у нас некая освобожденная от большого внутреннего содержания, искусственная, «доморощенная» «трагедийность», в последнее время ставшая даже чем-то вроде моды. Такого рода ложнотрагедийные сочинения пишутся не из внутренней потребности воплотить в музыку большие и сильные жизненные впечатления и переживания, реальные трагические конфликты современности, как написаны, например, потрясающие по своей силе подлинно трагедийные симфонии Д. Шостаковича. Нет, такого рода внешне трагическая музыка сочиняется либо из боязни отстать от моды, либо просто в силу бедности внутреннего мира, лишенного притока свежих жизненных сил, что в сущности одно и то же.

Высокая трагедийность, конечно, не исчезает из искусства, поскольку в мире существуют еще трагедийные конфликты, связанные прежде всего с господством на значительной части земли социальной несправедливости. Но надо при этом отдать себе ясный отчет, что трагедийность не является той сферой искусства, которая отвечала бы главному, что характеризует сейчас атмосферу жизни нашей страны, дух нашего народа.

Вопрос о современности нашего искусства есть вопрос о главной линии его развития. «А главная линия развития, — ясно и отчетливо сформулировал Н. С. Хрущев, — состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа... Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

В свете этого определения становится очевидной несостоятельность попыток установления «степени современности» по чисто хронологическому принципу: с такого-то года, мол, современность, а с такого-то — история. Вопрос этот гораздо сложнее, диалектичнее и не укладывается ни в какую схему.

Современная тема в искусстве — это

ДМ. КАБАЛЕВСКИЙ

тема, в которой воплощены передовые коммунистические идеи и идеалы, духовная атмосфера нашего времени, дела и дух нашего народа, строящего коммунизм.

В центре музыки всегда стоит человек, и современность нашего музыкального творчества в первую очередь зависит от того, насколько правдиво запечатлены в нем характерные черты человека наших дней.

Накими же характерными чертами определим мы внутренний мир современного советского человека? Мир этот многообразен и богат, но для искусства очень важно выделить в нем две наиболее характерные черты. Первая из них — сила: сила идейной убежденности, интеллекта, сила чувств, сила воли (поэту и лирику его — лирика сильного человека, радость и веселье — сильного человека, горе и печаль — тоже сильного человека). И вторая черта — уверенность в будущем, революционная устремленность во взглядах на жизнь, иначе говоря, оптимизм, рожденный социалистическим мировоззрением человека, судьба которого неразрывно связана с судьбой народа.

Вот если мы подойдем к нашей музыке последних лет с точки зрения того, как воплощены в ней духовная атмосфера наших дней, дух нашего народа, облик нашего человека, то придется признать, что, несмотря на интенсивность нашей творческой жизни, на то, что ежегодно появляются у нас хорошие и даже превосходные произведения, мы еще не решили многих важных задач.

НАРОДУ НУЖНЫ

МУЖЕСТВЕННЫЕ ПЕСНИ

С первых же дней революции песня шла в ногу с жизнью, была верным другом и помощником народа во всех его делах. И сегодня в народе не перестают звучать лучшие песни И. Дунаевского, В. Соловьева-Седого, М. Блантера, Т. Хренникова, А. Новикова, В. Мурадели, В. Захарова и других композиторов, с любовью работавших и продолжающих работать в этой важной области музыки.

В последние годы с хорошими песнями вошли в жизнь и новые, молодые авторы. Здесь можно назвать и величественную «Песню о Ленине» А. Холминова, и молодежные песни А. Флярковского, и «Песню о тревожной молодости» А. Пахмутовой. А разве мало ценного накоплено в области песенного творчества композиторами во всех республиках нашей страны!

Однако в последнее время в печати и в устных высказываниях справедливо говорится о серьезном неблагополучии в нашем песенном творчестве. В песнях последних лет, особенно в песнях эстрадного типа, и в стихах, и в музыке под видом лирики преобладает унылая меланхолия, какая-то серенькая печаль слабого человека, нытика, все время жалующегося на свою незадачливую судьбу.

Легкий эстрадный жанр превратился незаметно из жанра яркого, блестящего и жизнедающего в жанр, в котором господствуют тусклые, мешански-сентиментальные эмоции. Кажется, будто забыты все традиции легкой и веселой музыки, в частности традиции такого великолепного мастера в этой области, как И. Дунаевский.

В песенном творчестве последнего времени образовался своеобразный уныло-меланхолический эмоциональный штамп, «обогащаемый» иногда элементами развязности, заимствованными далеко не из лучших образцов западного джаза. Под видом лирической или танцевальной музыки широко распространяются нестерпимо пошлые песенки, такие, как «Хорошее настроение» А. Лепина, «Тишина» Э. Колмановского, «Ночью дунуло» А. Долуханяна, «Нам весело» Л. Лядовой и т. п.

И уж совсем плохо, когда этот штамп переносится на песни гражданского содержания, на песни о Родине, о партии, о комсомоле. Комсомолу, молодежи нашей в этом отношении особенно не повезло. Произведения, вроде песни комсомольцев М. Фрадкина из фильма «Добровольцы», «Едем мы, друзья» В. Мурадели или музыки О. Фельцмана из фильма «Матрос с «Кометы», окрашивают образы замечательных советских девушек и юношей в столь не свойственные им тона сентиментальной чувствительности, а нередко и развязности.

Интонационная природа этого штампа обнаруживает себя порой с весьма непривлекательной стороны. Так, лишь в одном небольшом сборничке песен, изданном в 1959 году издательством «Советский композитор», в шести песнях мелодия припева основана на почти одинаковом использовании интонаций небезызвестной «Цыганочки» — своеобразного музыкального символа мешанской чувствительности и пошлости.

Штамп этот оказался настолько въедливым, что влияние его мы замечаем даже на творчестве признанных вожаков нашего песенного движения. Тем более остро мы должны ставить этот вопрос.

При этом нельзя не удивляться тому, что распространению дурных образцов советской песни премного способствуют и органы, ведающие культурой и искусством, и даже Союз композиторов с его издательством и отделом пропаганды...

Нет сомнений в том, что советское песенное творчество преодолет все трудности, которые оно сегодня испытывает, что композиторы дадут народу много отличных песен гражданского и лирического содержания, правдиво воплощающих духовный мир советского народа, отвечающих его эстетическим и этическим требованиям. Борьба с пошлостью в

музыкальном быту надо при помощи хороших песен. И, право же, такая превосходная песня, как «Подмосковные вечера» В. Соловьева-Седого, в этой борьбе стоит большего, чем многие наши устные и печатные выступления...

Песня всегда шла в авангарде советского искусства, и сейчас более, чем когда-либо, она не имеет права отставать от требований жизни. Хорошая, мужественная, чистая песня очень нужна сейчас нашему народу!

ВОСПЕТЬ БОГАТСТВО

ДУШИ СОВРЕМЕННОГО

Если в музыке нет правдивого воплощения человека, его духовного мира, — ничто уже не спасет такую музыку. Это, конечно, относится к любому музыкальному жанру. И когда знакомимся, например, с «Космической симфонией» молодого эстонца Я. Раятса, возникает серьезное беспокойство за судьбу одаренного композитора. Он проявляет незаурядную фантазию и техническую сноровку в стремлении изобразить в музыке звучания космических сфер, шумы каких-то гигантских машин. Но напрасно будем мы искать в этой музыке образ человека — покорителя космоса. Человек, кажется, сознательно исключен композитором из сферы его внимания. Надо ли говорить, что такое сочинение, не зная на свой архисовременный заголовок, имеет весьма отдаленное отношение к нашей живой современности.

Тяжелое впечатление оставляет и музыка струнного квартета В. Салманова. Это сочинение посвящено памяти товарищей, погибших на войне, но весь эмоциональный и интонационный строй его музыки не оправдывает этого обязывающего посвящения. Подвиг человека, отдающего Родине свою жизнь, — это высшее проявление силы и красоты человеческого духа! Но именно этого мы и не слышим в музыке квартета...

Правдивое воплощение образов современного советского человека в музыке — задача очень сложная, требующая не только таланта и большого мастерства, но и глубочайшего проникновения в гущу окружающей нас жизни. Зачастую в наших произведениях, посвященных современности, но связанных также с образами Отечественной войны, «прошлое» оказывается воплощенным ярче, чем «настоящее», «борьба» — показанной убедительнее, чем «победа». Это относится, например, и к очень сильной и яркой во многих отношениях монументальной Третьей симфонии Б. Лятошского, и к скромной, но хорошей по замыслу вокальной поэме Ю. Балкашина «Травой заросли окопы», и ко Второй симфонии Д. Тер-Татевосяна, связанной по замыслу своему с рассказом М. Шолохова «Судьба человека». В последнем из этих сочинений, говорящем о большой талантливости автора, эпизоды батально-изобразительного характера заслонили главное — образ человека, пронесенного через все испытания и бури войны величие, силу и красоту человеческого духа.

Примерно такое же ощущение возникает и при слушании некоторых других сочинений молодых авторов. К ним можно отнести и ораторию А. Шнитке «Нагасаки», и Квартет памяти А. Исаакяна, написанный Э. Оганесяном, и Симфонию памяти 26 бакинских комиссаров Б. Парсаянана.

В этих произведениях, особенно в последнем из них, также много хорошей, увлекательной музыки, но не коснулось ли и их влияние той самой ложной трагедийности, о которой шла речь выше? Слишком уж перегружены они мрачными, психологически-сгущенными переживаниями, заслоняющими важнейшие качества воспеваемых в них героев: духовную силу, полноту чувств, оптимистическую целеустремленность!

Ведь именно этими качествами отмечены лучшие произведения советских композиторов, созданные в последние годы. Здесь можно назвать и Единнадцатую симфонию Д. Шостаковича, и балет К. Караева «Тропой грома», и оперу Н. Жиганова «Джалиль», и «Оду радости» А. Хачатуряна, и ряд других сочинений, в том числе исполненных на последнем пленуме.

К этим сочинениям прежде всего хочется отнести «Патетическую ораторию» Г. Свиридова. Она звучит чрезвычайно современно не только потому, что вперед, в будущее устремлены лежащие в ее основе стихи В. Маяковского, но и потому, что полнокровным пульсом современности, радостным ее дыханием, живой современной интонационностью проникнута сама музыка этого талантливого и мастерики написанного произведения.

Живым дыханием современности проникнуты и кантата К. Агабабова «День труда», и ярко эмоциональный вокально-симфонический цикл О. Тактакишвили «Путь поэтов», и великолепный вокальный цикл В. Чистякова «Песни мужества», и хоровая поэма В. Каппа «Северное побережье». К удачам надо отнести также Вторую симфонию А. Баланчивадзе, Первую симфонию А. Эшпая, светлый по звучанию квартет Э. Тамберга. Страницы прекрасной музыки содержат партитуры двух виолончельных концертов — Д. Шостаковича и М. Вайнберга. Возвращением после долгого перерыва к крупным инструментальным жанрам поразил Т. Хренников, выступивший с новым Скрипичным концертом.

Искусству социалистического реализма чужда всякая ограниченность. Оно никогда не исключало и не исключит из круга своих интересов ни историю, ни мировую литературу, ни эпос, ни сказку. И все же можно с уверенностью сказать, что нет советского композитора, который не мечтал бы о воплощении в своих произведениях окружающей его жизни. Народ ждет от нас в первую очередь произведений, связанных с образом нашего современника, с его богатым внутренним миром, светлым оптимистическим взглядом в будущее.